

Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 60—76.

Woman in Russian Society. 2022. No. 3. P. 60—76.

Научная статья

УДК 314.148

DOI: 10.21064/WinRS.2022.3.4

ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 В ГЕНДЕРНОМ РАКУРСЕ

Ирина Евгеньевна Калабихина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru

Аннотация. Пандемия коронавируса и связанный с ней локдаун по-разному могли повлиять на женщин и мужчин. Цель исследования — описать систему демографических, социальных и экономических потерь от пандемии, которые имели или могли иметь гендерный ракурс. Часть последствий обсуждается более глубоко на основе анализа статистики или вторичных источников. Сравняется ситуация в России и других странах. Часть последствий — избыточная смертность от COVID-19, риски потери работы, бизнеса — рассмотрена более подробно. Для подтверждения гендерно-неравных последствий пандемии использованы статистические данные (статистика ООН, материал Федеральной службы государственной статистики, выборочных обследований, базы данных СПАРК, качественные данные), вторичные источники (научные статьи), применены статистические методы, кейсы, экспертные оценки. Показано, что большинство последствий не имеют предопределенного гендерного разрыва. Сделан вывод об относительно слабом на этот момент воздействии кризиса на рост гендерного разрыва в положении женщин и мужчин на рынке труда и в бизнесе и о значительном влиянии на рост объема заботы для женщин в России, что является скорее типовой реакцией на пандемию. Отличительная черта России — превышение избыточной смертности женщин над избыточной мужской смертностью.

Ключевые слова: COVID-19, гендер, последствия, смертность, потеря работы, потеря бизнеса

Для цитирования: *Калабихина И. Е.* Последствия пандемии COVID-19 в гендерном ракурсе // *Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 60—76.*

Original article

CONSEQUENCES OF THE COVID-19 PANDEMIC FROM A GENDER PERSPECTIVE

Irina E. Kalabikhina

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation, ikalabikhina@yandex.ru

Abstract. The COVID-19 pandemic and associated with it lockdown may have affected women and men differently. The purpose of the study is to describe the system of demographic, social and economic losses from the pandemic, which potentially have a gender perspective. To confirm the gender unequal consequences of the pandemic, statistical data (UN statistics, data from the Federal State Statistics Service, sample surveys, SPARK databases, qualitative data), secondary sources (scientific articles) were used. The article uses statistical methods, cases, expert assessments. Main results: 1) a system of potential demographic, social, economic consequences of the pandemic in terms of gender gaps has been developed; 2) some real gender consequences in the demographic and economic sphere have been identified, of which the most detailed are gender gaps in excess mortality, the risks of losing a business, etc., on the example of Russia and other countries; 3) the hypothesis that most outcomes do not have a predetermined gender gap was proved. In different countries, the population has experienced different depth and design of gender consequences (the state of affairs the day before, institutions and policies are of great importance in any gender issue); 4) some Russian peculiarities in the gender consequences of the pandemic have been identified. It is concluded that the current relatively weak impact of the crisis on the growth of the gender gap in the position of women and men in the labor market and in business and a significant impact on the growth of care for women in Russia. A distinctive feature of Russia is the more significant female excess mortality than male excess mortality.

Key words: COVID-19, gender, consequences, mortality, job loss, business loss

For citation: Kalabikhina, I. E. (2022) Posledstviia pandemii COVID-19 v gendernom rakurse [Consequences of the COVID-19 pandemic from a gender perspective], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 60—76.

Вступление. Данные и методы

Пандемия коронавируса и связанный с ней локдаун по-разному могли повлиять на женщин и мужчин. Цель исследования — описать систему демографических, социальных и экономических потерь от пандемии, которые потенциально имеют гендерный ракурс.

Для подтверждения гендерно-неравных последствий пандемии использованы статистические данные (статистика ООН, материалы Федеральной службы государственной статистики, выборочных обследований, базы данных СПАРК, качественные данные), вторичные источники (научные статьи).

В статье применены статистические методы, кейсы, экспертные оценки.

Последовательно решаются следующие задачи:

1) разработана система потенциальных демографических, социальных, экономических последствий пандемии с точки зрения гендерных разрывов;

2) выявлены некоторые реальные гендерные последствия в демографической и экономической сфере, в частности гендерные разрывы в избыточной смертности, рисках потери работы, бизнеса на примере России и других стран;

3) проверена гипотеза о том, что большинство последствий не имеют predetermined гендерного разрыва. В разных странах население столкнулось с разной глубиной и дизайном гендерных последствий (состояние дел накануне, институты и политика имеют большое значение в любом гендерном вопросе). Установлены некоторые российские особенности гендерных последствий пандемии.

Как выглядит система демографических, социальных и экономических потерь от пандемии и локдаунов, которые могут быть гендерно не нейтральны

На схеме (рис.) я представила возможные последствия пандемии в гендерном ракурсе.

Возможные демографические, социальные и экономические потери от пандемии (гендерный ракурс)

Первое, о чем следует говорить относительно гендерных последствий пандемии, — это *демографические потери*, т. е. избыточная смертность от COVID-19 и других причин на фоне COVID-19, а также заболеваемость (собственно регистрация случаев болезни, осложнения после болезни, обострение хронических заболеваний). Демографические потери от кризисов и пандемий (избыточная заболеваемость и смертность) обычно различаются в половом и возрастном ракурсе. Напомним, что за этим, как правило, стоит гендерное объяснение (неравенство в ресурсах, поведении, институтах воздействия). Кроме того, есть риск нарушения репродуктивных прав женщин (ухудшения в репродуктивной сфере мы относим к демографическим потерям).

Второй блок *последствий* — *социальный*. Наиболее опасное последствие — это обострение домашнего насилия в условиях длительного совместного пребывания людей в своих жилищах по причине социальной изоляции и карантина, дистанционной занятости и обучения. Я отношу обострение домашнего насилия к социальным последствиям, но очевидно, что демографические потери также могут проявиться в случае потери здоровья или даже жизни пострадавшей(-его). Домашнее насилие — преимущественно женская проблема. Много написано о возросшем домашнем насилии в условиях домашнего карантина и безысходности ситуации для женщин. Объемная подборка данных и литературы по вопросу возросшего уровня домашнего насилия в период пандемии в большом числе стран представлена в энциклопедической коллекции по COVID-19 [Zamba et al., 2022]. В период экономических кризисов насилие растет, особенно в бедных семьях [Peterman et al., 2020]. Новым является то обстоятельство, что женщины вынуждены быть изолированы вместе со своим насильником по причине карантина.

Социальная изоляция и карантин повлияли на ослабление привычных социальных контактов и потерю привычных статусов. Например, изоляция пожилых приводила к остановке действия такого важного института, как помощь бабушек в уходе за детьми, к ослаблению межпоколенческого взаимодействия по линии домохозяйственных семейных контактов. Отдельно проживающие прародители потеряли возможность контакта с детьми и внуками, статус помощников в домашнем хозяйстве. Ослабли и противоположные связи — помощь пожилым людям (чаще это также женщины) со стороны молодых родственников. Финансовая помощь могла сохраняться, но общение снизилось. Родственные связи по уходу в этот период ослабевают или разрываются. Это гендерная проблема хотя бы потому, что среди третьего поколения женщин больше, они чаще были включены в экономику заботы. Также они чаще проживают в домохозяйствах с числом членов 1 человек, т. е. отдельно от родственников. Повседневные контакты в профессиональных сетях могут сохраняться и даже развиваться и в пандемию в дистанционном формате. Здесь сложнее предвидеть гендерные различия без дополнительных исследований.

Снижается агентность (способность делать осознанный и ответственный выбор, выступать как самостоятельный актер) пожилых женщин и мужчин в период пандемии и локдауна. Степень свободы действий и решений в такой ситуации всегда снижается. Люди жертвуют частью свободы ради победы над пандемией. Индивидуальность в значительной мере подчинена общественным интересам. Субъективные права человека ограничиваются, как минимум,

в области передвижений. При этом агентность пожилых людей снижается сильнее. Пандемия привела к усилению дискриминации по возрасту во многих странах. Люди старше 65 лет становятся объектом повышенного внимания, часто это происходит в ущерб их интересам и свободе выбора [Голубев, Сидоренко, 2020]. Дистанцирование мы начинаем с запретов на работу и на перемещение для пожилых. В дорожной карте выхода из пандемического локдауна Министерства культуры России записано (май 2020 г.), что для сотрудников введут возрастной ценз: гардеробщики не смогут работать после 60 лет, а сотрудники залов — после 65 лет¹. Речь идет о «женском» секторе занятости.

Возможные *экономические последствия* составляют большой список: потеря работы, бизнеса, (не)трудовых доходов и сбережений, рост объемов неоплачиваемого труда, дефицита жизненного пространства, сокращение доступа к медицинским и социальным услугам, рост потерь от дефицита цифровизации.

Демографические потери от пандемии в гендерном ракурсе

Первые волны пандемии показали, что мужчины имеют более высокую вероятность умереть от COVID-19. Заболеваемость в основном не отличается в аспекте пола при прочих равных условиях, но женщины чаще заболели по профессиональным причинам вследствие феминизации систем здравоохранения [Kalabikhina, 2020]. Составляя 70—80 % рабочей силы в системах здравоохранения и социальной поддержки, женщины оказались на передовой линии борьбы с коронавирусом. Это сохраняло им работу и зарплату, однако создавало риск угрозы здоровью от повышенной опасности заболеть, от переутомления. Вертикальная сегрегация в сфере здравоохранения усиливала риски для женщин, поскольку в такой системе непосредственно с пациентом работали чаще они. По данным Global Health 50/50 [Global Health 50/50, 2022] я рассчитала средневзвешенный по числу смертей показатель смертности от COVID-19 для разных стран, предоставивших дифференцированную по полу статистику смертности и заболеваемости в период первых волн пандемии. Уровень смертности у мужчин был в среднем в 1,8 раза выше, чем у женщин, однако превышение доли женщин среди заболевших медицинских работников фиксировалось в большинстве стран. В 2022 г. мужчины сохраняют «приоритет» в смертности от COVID-19, у них тяжелее протекает болезнь. На каждые 10 случаев у женщин в среднем в мире мы имеем следующее число случаев у мужчин: 13 смертей, 12 госпитализаций, 17 ИВЛ, 10 заболеваний, 15 заболеваний, приведших к смерти (при почти равном числе тестов (8) и вакцинаций (10)).

Страновые оценки потерь в ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ОПЖ₀) также подтверждают вывод о больших потерях среди мужского населения. Например, анализ потерь для 29 стран с хорошей статистикой показывает, что мужчины чаще и больше проигрывают в этой истории. Сокращение ОПЖ₀ не меньше чем на год в 2020 г. зафиксировано у мужчин в 11 странах из 29, у женщин — в 8. Самые большие потери — у мужчин в США (на 2,2 года) и в Литве (на 1,7 года) [Aburto et al., 2022: 63]. По данным Евростата

¹ Минкульт рассказал, как будут работать музеи и театры в условиях пандемии // Известия. 2020. 22 мая.

[Eurostat, 2022], в 2020 и/или 2021 г. потери в продолжительности жизни были больше преимущественно у мужчин (по странам, где есть данные и есть потери) — 19 стран из 35. При этом разница (в пользу мужчин или в пользу женщин) в подавляющем большинстве случаев не превышала 0,1—0,3 года.

По данным Росстата-2022, ОПЖ₀ с рекордных 78,17 года для женщин и 68,24 года для мужчин в 2019 г. снизилась соответственно до 74,51 и 65,51 года в 2021 г. Женщины потеряли 3,66 года за 2 года пандемии, мужчины — 2,73 года. Отличие между полами — почти год жизни. Это много для ОПЖ₀ в такой короткий срок. Отметим, что в 2020 г. отличия не наблюдались, разрыв стал заметен в 2021 г.

Напомним, что при оценке потерь ОПЖ₀ я не выделяю смертность от COVID-19, здесь идет оценка потерь от всех смертей. Однако предполагается, что в годы пандемии подавляющая доля избыточных смертей связана с коронавирусом (во время пандемии в ряде стран фиксировали снижение смертности от других причин, а в случае роста смертности от остальных причин их вклад был 10—30 % [Aburto et al., 2022]).

В начале пандемии (27 мая 2020 г.) я анализировала гендерные особенности смертности медицинского персонала по «Списку памяти» [Список... , 2020], который ведут сами медики. Согласно этим данным (они достаточно специфические: не репрезентативные, самозапись, мой анализ относится к первой волне пандемии, охват 63 региона), в России в медицинской отрасли не наблюдалось гендерного неравенства в смертности (за исключением отдельных регионов — Санкт-Петербург и Дагестан). Доля погибших от COVID-19 женщин среди умерших от ковида медиков составила 56 % в среднем (согласно этому «Списку», врачи и младший персонал имели равные шансы умереть).

Риск нарушения репродуктивных прав женщин в пандемию возникает потому, что все силы систем здравоохранения брошены на борьбу с вирусом; перераспределение врачей, клиник, оборудования, денег, нарушение логистических цепочек в предоставлении услуг приводят к ограничению репродуктивных услуг для женщин. Добавим сюда ограничения на передвижение и изоляцию, недостаток информации о получении медицинской услуги в новых условиях. По оценке Международной организации планирования семьи, в 2020 г. до 2,7 млн абортот могли быть сделаны без соответствующих условий безопасности по причине пандемии [Wenham et al., 2020: 196—197]. На территории Европы эффекты в отношении доступа к абортот сильно различались: некоторые страны предприняли усилия для облегчения доступа к абортот во время пандемии за счет внедрения или расширения использования телемедицины и раннего медикаментозного аборта, другие пытались еще больше ограничить его возможность. Ситуация также была разной в странах, где правительства не меняли политику или протоколы [Voјovic et al., 2021]. Прямое ограничение доступа к абортот было связано с закрытием более 5633 стационарных и мобильных клиник, а также пунктов оказания медицинской помощи по месту жительства в 64 странах из-за ограничений, связанных с COVID-19 [International Planned Parenthood Federation European Network, 2020]. Фонд Организации Объединенных Наций в области народонаселения в 2020 г. выразил обеспокоенность в связи с глобальным всплеском — до 7 млн — нежелательных беременностей из-за карантина

и отсутствия доступа к противозачаточным средствам [UNFPA, 2020]. В странах, где были предпосылки для изменений в сторону ограничения аборт (например, Польша, США), сразу возникли идеи или политические решения об ограничении прав женщин на аборт под видом приоритетов ресурсов для борьбы с COVID-19.

Экономические потери от пандемии и локдаунов: есть ли гендерные отличия

Посмотрим на рынок труда, который кардинальным образом влияет на положение женщин.

Если мы заглянем в историю, то встретим примеры, когда женщин использовали как трудовой резерв в период кризисов и спрос на женский труд рос. Потери мужчин в войнах и революциях в Советском Союзе в период индустриализации страны в 1920—1940-х гг. повлияли на рост женской занятости. Вторая мировая война привела к увеличению женской занятости и в Европе [Acemoglu et al., 2004]. Позже в странах Юго-Восточной Азии экспортно-ориентированную экономику построили с использованием женского труда.

Являясь резервом рабочей силы, женщины могут первыми страдать в кризис, который требует не экстенсивного расширения, а сокращения людских ресурсов. Тогда женская безработица может быть выше или зарплата женщин могут падать резче, если рынок труда реагирует не ростом безработицы, а падением реальной заработной платы, как в России. Первые замеры последствий кризиса в этом ключе таковы: преобладание в марте 2020 г. женщин среди безработных в США [Alon et al., 2020], мужчин — среди безработных в России (оперативные данные Росстата-2020).

Главная драма разыгрывалась в период текущей пандемии не в экономике в целом, а в отдельных отраслях и сферах занятости. Кризис ударил прежде всего по малому и среднему бизнесу, по контактному сектору услуг в крупных городах, т. е. услуг, которые требуют непосредственных физических контактов с клиентом или связаны со скоплением большого числа людей. К таковым относятся почти все медицинские услуги, услуги по уходу за нуждающимися, услуги индустрии красоты и ухода за телом, отрасли гостеприимства, офлайн-торговли, спортивные и культурные мероприятия.

Природа кризиса в сочетании с существующей профессиональной сегрегацией на рынке труда существенно влияет на гендерные последствия кризиса. Например, финансовый кризис 2008—2009 гг. в США повлиял на занятость мужчин более серьезно, чем на занятость женщин [ibid.].

Предполагая, что сохранение занятости в пандемию будет зависеть в том числе от возможности перевести свое рабочее место в дистанционный режим, я оценила потенциал дистанционности для «женских» и «мужских» рабочих мест, выполнив статистический анализ профессиональной и отраслевой структуры «женских» и «мужских» профессий и видов деятельности, степени вовлеченности женщин и мужчин в дистанционную занятость накануне и во время пандемии.

Я использовала 4 подхода для оценки степени готовности женщин и мужчин в России накануне пандемии сохранить свои рабочие места в условиях роста дистанционной занятости и падения занятости в секторе контактных услуг.

Первый подход связан с экспертной оценкой перспектив цифровизации рабочих мест (возможности дистанционной занятости, автоматизации, применения облачных технологий, искусственного интеллекта и пр.). На основе анализа данных Росстата-2018 о гендерном распределении работников интеллектуальных и рабочих профессий в России и «Атласа новых профессий 3.0» [Атлас... , 2021] посредством экспертного метода сделан вывод о плохой структуре профессий у женщин в разрезе перспектив цифровизации рабочих мест в ближайшем будущем. Доля устаревающих «женских» профессий, которые не имеют перспектив цифровизации, 53—56 %, «мужских» — 22—27 %. Низкий уровень оплаты труда в феминизированных отраслях не способствует техническому прогрессу и инвестициям в цифровизацию этих отраслей. Такое положение дел говорит о затруднительных перспективах в улучшении положения женщин и после пандемии, в долгосрочном периоде.

Однако если рассматривать только дистанционную занятость как элемент цифровизации рабочего места, то дело обстоит гораздо лучше. *Второй подход* связан с оценкой реального распространения дистанционной работы накануне пандемии. С помощью данных выборочного обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ (волны 2014 и 2018 гг.) было подсчитано, что в России женщины чаще работали дистанционно, чем мужчины, эта тенденция в последние годы усиливалась. В 2014 г. 4,6 % мужчин и 10,3 % женщин работали удаленно, в 2018 г. — 4,7 и 15,1 % соответственно. Это наверняка позволило женщинам легче адаптироваться к текущему кризису в краткосрочном периоде.

Третий подход связан с оценкой потенциального распространения дистанционной работы и распространенности среди женщин и мужчин рабочих мест в так называемом секторе неконтактных услуг и здравоохранении, где невысок риск роста безработицы. Используя данные Росстата-2019, я установила, что в таких перспективных отраслях работает около 44 % женщин и около 19 % мужчин, при этом более 13 % женщин и менее 1 % мужчин заняты в сфере контактных услуг, которые подвержены влиянию кризиса. В секторе услуг работает 2/3 занятых, среди мужчин таких менее 50 %, среди женщин более 80 %. Индустриальный и строительный секторы, где преобладают мужчины, сильно зависят от государственных программ, поэтому страдают меньше. Сельскохозяйственный сектор сейчас активно субсидируется государством (маленькая доля занятых и равное присутствие женщин и мужчин). Кумулятивный эффект необходимо оценивать исходя из более точных данных относительно итогов кризиса и использования дистанционного потенциала, но предварительные оценки не обнаруживали серьезных проблем у женщин с точки зрения структуры их наемной занятости. На основе применения схожей методики был сделан вывод американских исследователей [Alon et al., 2020]: сейчас мужчины быстрее заполняют нишу дистанционной занятости, но с поправкой на максимальный рост дистанционных возможностей после пандемии будут выигрывать женщины.

Четвертый подход связан с проведением автором пилотного дистанционного опроса российских женщин в конце мая 2020 г. (около 1400 респонденток, случайная выборка среди клиентов сервисов Яндекс). 42 % женщин ответили, что в период карантина работают удаленно, при этом треть женщин хотя бы эпизодически работали удаленно и до карантина и еще треть оценили свое

рабочее место как перспективное с точки зрения удаленной работы. Только 19 % партнеров опрашиваемых женщин перешли на удаленную работу в период карантина. В связи с локдауном были уволены 2 % опрошенных женщин и 7 % партнеров опрошенных женщин.

В неформальном секторе, который оказался вне поддержки государства, занято 44 % женщин и 56 % мужчин (Росстат-2020). Однако гендерная структура занятости в неформальном секторе повторяет структуру занятости в формальном секторе: большинство женщин в секторе услуг, в том числе в секторе контактных услуг и отраслей, пострадавших от коронавируса.

Таким образом, в краткосрочном периоде женщины уже имеют более высокий уровень дистанционной занятости, быстрее расширяют дистанционные возможности в пандемию. Долгосрочный взгляд свидетельствует об устаревшей структуре «женских» профессий со слабым потенциалом цифровизации, с одной стороны, и об относительно неплохой отраслевой структуре занятости женщин с точки зрения развития дистанционной занятости — с другой.

Поскольку дистанционная форма занятости не единственный фактор сохранения занятости в пандемию, обратимся к эконометрическим оценкам факторов потери работы и дохода в пандемию в России. По предварительным подсчетам оказалось, что женщины не должны войти в группу риска в пандемию [Kartseva, Kuznetsova, 2020]. Между тем по реальным данным женщины вошли в список уязвимых групп с точки зрения потери занятости (доход теряли только работники пострадавших отраслей)².

Общий вывод таков: женщины опережают мужчин в переходе на дистанционные формы занятости, хотя при учете большего числа факторов женщины входят в группу риска потерь занятости. Правда, для России этот вопрос не очень важен, ибо модель реакции российского рынка труда на кризис не изменилась: безработица не растет, доходы работников падают [Капелюшников, 2022].

Посмотрим на гендерное распределение потерь бизнеса в России в период пандемии. По данным базы СПАРК (табл.), женщины в начале 2020 г. возглавляли около трети предприятий, в том числе находящихся в частной собственности. Женщины преобладали только среди руководителей предприятий муниципальной собственности и собственности профессиональных союзов. Средний возраст компаний, возглавляемых женщинами, ощутимо выше только в муниципальном секторе.

Исходя из данных СПАРК я установила также, в какой степени пол главы компании связан с ликвидацией бизнеса в России в допандемические и карантинные месяцы в период первой волны. Доля ликвидированных компаний, возглавляемых женщинами, остается стабильной и в «обычное» время, и во время пандемии и действующего локдауна — 27—30 %. В частности, в апреле 2020 г. — 30 %, в мае — 28 %; по частным компаниям — 31 и 29 % соответственно. По сравнению с допандемическим периодом наблюдается небольшой рост (на 1—2 %) доли женщин-руководителей, чьи предприятия ликвидируются в кризис первой волны.

² *Kartseva M. A., Kuznetsova P. O. Short-term effects of the COVID-19 pandemic on employment and income in Russia: which groups of the population have been hit hardest? // Population and Economics. 2022. Vol. 6, iss. 4. (В печати).*

**Распределение по полу руководителей действующих предприятий
и средний возраст компаний, возглавляемых женщинами и мужчинами
(разные формы собственности). Россия, 23 мая 2020 г.**

Предприятие	Пол руководителя		Средний возраст компаний, лет	
	Мужчина, %	Женщина, %	Руководитель мужчина	Руководитель женщина
Выборка из действующих компаний	67,95	29,57	14,16	13,75
В том числе:				
в частной собственности	68,52	29,75	12,92	12,55
в муниципальной собственности	31,91	65,96	15,70	19,66
в собственности субъектов Российской Федерации	63,64	36,36	18,71	17,81
в собственности профессиональных союзов	23,53	64,71	23,00	22,23

Рассчитано автором с помощью базы данных СПАРК (выгрузка 5 тыс. предприятий).

Примечание. Пол определялся по имени и фамилии руководителя, у 2,48 % собственников предприятий пол не определен.

По данным базы СПАРК, выгруженным весной 2022 г. (пандемия длится 2 года, прошло несколько волн), также не выявлено гендерной асимметрии в бизнесе, возглавляемом женщинами или мужчинами, в аспекте ликвидации бизнеса, доли недействующих компаний или доли компаний с высоким риском (выгрузка 10 тыс. предприятий РФ 30.04.2022 г.). Женщины возглавляют треть предприятий как в общем списке, так и в списке ликвидированных компаний. Среди компаний, возглавляемых женщинами, зарегистрированных в 2000—2022 гг., 37 % недействующих компаний, а зарегистрированных мужчинами — 39 %. Среди компаний РФ, возглавляемых женщинами, 44 % с высоким риском. У мужчин этот показатель составил 47 %³.

Отдельно для Москвы выгрузка показала меньший уровень участия женщин в бизнесе — 26 %. Но доля ликвидированных, недействующих компаний и компаний в состоянии банкротства была сопоставимой с этой долей по РФ — 25 % (выгрузка 10 тыс. предприятий Москвы 30.04.2022 г.).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в отношении потерь бизнеса пандемия не создала гендерного неравенства в России. Этот вывод, как и вывод о других экономических потерях, не подтверждался в бедных странах, в уязвимых группах (например, в отношении мигрантов) [Kabeer et al., 2021]. Разнообразие реакции рынка труда на пандемию в гендерном разрезе в различных

³ Сводный индикатор риска СПАРК — совокупная оценка надежности компании, рассчитываемая на основании публично доступной информации о деятельности юридического лица. Он включает индекс должной осмотрительности (ИДО) — скоринг, показывающий вероятность того, что компания является фирмой-однодневкой; индекс финансового риска (ИФР) — оценка вероятности неплатежеспособности компании; индекс платежной дисциплины (ИПД) — показатель, учитывающий своевременность оплаты компаний счетов (URL: <https://spark-interfax.ru/features/indexes>).

странах подтверждает гипотезу о непредсказуемости влияния пандемии на гендерные последствия. Например, в Чили, Израиле, Эстонии, Молдове, Чехии, Ямайке острее стала ситуация с ростом мужской безработицы, во Вьетнаме, Германии, Румынии, Ирландии — женской, в США, Канаде, Бельгии, Италии — не было гендерных особенностей в этом аспекте [UNCTAD, 2021].

Что добавила пандемия к гендерному неравенству? В каких экономических вопросах ситуация ухудшилась: потери женщин больше потерь мужчин?

Как я отмечала, новым является разделение сферы услуг на контактную и бесконтактную, поскольку сильный удар пришелся преимущественно по контактному сектору в малом и среднем бизнесе в крупных городах. Возможно, с этим связан результат, основанный на реальных данных, который мы приводили выше: женщины принадлежат к группе риска потери занятости. Крупные предприятия промышленности, в отличие от малых и средних предприятий контактных услуг (парикмахерские, косметические салоны, фитнес-клубы, кафе, салоны связи, офлайн-торговля и пр.), имели меньше рисков закрываться, простаивать. Вероятно, и распространение вируса в относительно замкнутых коллективах легче регулировать.

Далее. Мы вернулись на несколько десятилетий назад в отношении объемов домашнего труда, которые легли на плечи женщин в период пандемии: закрыты школы и детские сады, возрос объем заботы о больных и пожилых. На домашнем карантине и в самоизоляции находились целые семьи. Все это напоминает эру крестьянских хозяйств, когда работа и дом были на одной территории, большая часть домашней работы по уходу за детьми и пожилыми, которые всегда рядом, была на женщинах. Но только это происходит сейчас преимущественно в городской среде. Временный обратный гендерный переход свершился на наших глазах. Это явление наблюдалось во всех странах. В России большую роль в снижении нагрузки по уходу за детьми для молодых женщин играли бабушки [Калабихина, Шайкенова, 2018]. Но и этот институт «закрывался» в период локдаунов, поскольку пожилым было предписано сидеть дома и избегать контактов с внуками.

Согласно данным нашего пилотного дистанционного опроса российских женщин в конце мая 2020 г., готовка, уборка и забота о детях (по убывающей) стали занимать существенно больше времени. Только для трети женщин ничего не изменилось. Примерно 60 % партнеров не увеличили свой вклад в домашнюю работу даже в это время. 40 % — стали активнее участвовать в воспитании детей и/или в покупке товаров. Остальные виды деятельности по ведению домашнего хозяйства преимущественно остались на женщинах при увеличении объемов времени на них. Даже в тех случаях, когда мужчины помогали, они выполняли роль помощников женщин, не принимая на себя полную ответственность [Калабихина, Ребрей, 2020]. Во второй декаде ноября 2020 г. во время второй волны опрос был повторен, результаты оказались схожи (объединенная выборка составила 2796 женщин).

Особенной новизной стало цифровое преимущество не только для конкуренции на рынке труда, но и для выживания, сохранения здоровья. Например, в России женщины реже используют онлайн-банкинг, особенно пожилые, работающие в неформальном секторе, живущие в отдаленных поселениях, имеющие

небольшой доход [Kalabikhina, 2020]. Получается, что женщины имеют меньший доступ к инструментам жизнеобеспечения в текущем кризисе.

Тотальная цифровизация образования может ухудшить позиции девочек по причине их традиционной объективации, которая заставляет девочек много времени уделять своему внешнему виду, или по причине «вторичности» образования для девушек по сравнению с юношами. Обратимся к кейсу, который был зафиксирован в Москве (!). При проведении дистанционного экзамена по курсу (более 80 слушателей) почти треть студентов отказались включать экраны, сославшись на отсутствие камер у компьютера. Анкетирование выявило, что большинство таких студентов — девушки. Частные беседы прояснили причины отказа включить камеру. Единичные случаи были связаны с реальным отсутствием камеры или «непричесанным» внешним видом, но большинство девушек свидетельствовали, что родители запретили им включать камеру, чтобы не показывать обстановку дома, не создавать дискомфорт для членов домохозяйства. У юношей таких проблем не выявлено (кейс был рассказан на семинаре по цифровой экономике на экономическом факультете МГУ 6 мая 2020 г. доцентом кафедры экономики МИСиС И. Ефрашкиным).

Выводы и дискуссия

Основной вывод по демографическим потерям в гендерном ракурсе — констатация неравенства перед феноменом избыточной смертности (реже — заболеваемости). Избыточная смертность в среднем выше у мужчин в большинстве стран, так же как и более тяжелое протекание заболевания в среднем. Однако есть редкие исключения, которые еще предстоит изучить: в России избыточная смертность у женщин значительно выше, чем у мужчин.

Заболеваемость и смертность медиков — особый вопрос в пандемию в связи с горизонтальной сегрегацией отрасли (преобладание женщин) и вертикальной сегрегацией (преобладание женщин на уровне младшего медицинского персонала). Однако однозначного ответа по поводу гендерной асимметрии потерь пока нет.

Ограничение доступа к абортam — не универсальная проблема, ситуация зависит от политики и институтов в стране.

Социальные потери кажутся в большей степени универсальными: рост домашнего насилия, ослабление социальных связей и контактов, замораживание статусов, снижение агентности. Все это касается особенно женщин и пожилых женщин.

Экономические потери менее предсказуемы. В России в отношении потерь бизнеса пандемия не создала гендерного неравенства; на рынке труда женщины входят в группу риска потерь занятости; при этом женщины опережают мужчин в переходе на дистанционные формы занятости в краткосрочном периоде. В США, например, дистанционный переход для женщин видится в долгосрочном аспекте, а риски безработицы не имели в среднем гендерной истории.

Представляется, что реальное положение дел в отношении гендерных разрывов в негативных последствиях пандемии зависит от состояния неравенства накануне пандемии и от политики и институтов, заработавших во время пандемии.

Положение женщин и мужчин накануне кризиса всегда влияет на потенциальные и реальные потери во время кризиса. Список вопросов в области гендерного неравенства широк: горизонтальная и вертикальная профессиональная сегрегация; разрыв в оплате труда; слабое участие во владении и управлении бизнесом; разрыв в сбережениях; преобладание женщин в экономике заботы, в производстве неоплачиваемого труда; разрыв в имуществе, в доступе к земле, к активам; домашнее насилие; затрудненный доступ к охране репродуктивного здоровья; слабое участие женщин в политике; барьеры в получении образования, связанные с гендерными стереотипами. Все эти исходные обстоятельства не могут не сказаться на различиях в положении женщин и мужчин в период пандемии и экономического кризиса.

В странах с чувствительным уровнем неравенства социальные группы, которые имели худшие условия накануне пандемии, входят в кризис менее здоровыми, с более высокими рисками потери доходов и работы [Nassif-Pires et al., 2020]. Дистанцирование и карантин также гораздо легче переносятся людьми, если у них есть просторное жилье, автомобиль для передвижений, работа, которая может позволить дистанционную занятость (как правило, это интеллектуальная работа), деньги на закупки товаров в кризис, сбережения для переживания перерывов в работе, если они случатся.

В России существует целый комплекс устойчивых гендерных проблем: вертикальная и горизонтальная профессиональная сегрегация, значительно больший вклад женщин в неоплачиваемый труд, гендерный разрыв в оплате труда в пользу мужчин и в продолжительности жизни в пользу женщин, домашнее насилие, слабое участие женщин в политике, отставание женщин во владении и управлении бизнесом [Gender issues... , 2012; Калабихина, Шайкенова, 2018], у женщин меньше сбережений и более ограниченный доступ к электронным услугам [Kalabikhina, 2020].

Кризис всегда сильнее бьет по социальным группам, имеющим худшие условия накануне кризиса. Пандемия, кроме того, добавила специфические риски в гендерный вопрос: сильный удар пришелся преимущественно по контактными услугам в малом и среднем бизнесе в крупных городах; кризис вызвал резкий спрос на неоплачиваемый труд и ставший опасным и тяжелым труд в системе здравоохранения, перераспределение ресурсов здравоохранения, в том числе в репродуктивном секторе, позволив спекулировать на теме аборт, усилил эйджизм, обострил цифровые преимущества во всех сферах.

Положение женщин в России ухудшилось по причине роста объемов экономики заботы и роста ответственности, большей включенности в борьбу с пандемией, меньшего доступа к электронным услугам. Новый феномен — более высокая избыточная смертность женщин в период пандемии.

Гипотеза о том, что большинство последствий не имеют predetermined гендерного разрыва, на мой взгляд, подтверждена. В разных странах население столкнулось с разной глубиной и дизайном гендерных последствий (состояние дел накануне, институты и политика имеют большое значение в любом гендерном вопросе). В качестве источника дополнительной информации о разнообразии последствий пандемии в гендерном ракурсе приведу спецвыпуск

журнала «Feminist Economics» — «A Special Issue on Feminist Economic Perspectives on the COVID-19 Pandemic» (2021, vol. 27, iss. 1—2).

Есть ли позитивные гендерные последствия коронавируса? На мой взгляд, потенциал существует в отношении роста гендерного равенства. Пандемия показала важность сферы здравоохранения и отрасли заботы, будем надеяться, что при лоббировании интересов медиков в этой сфере увеличат инвестиции и зарплаты. Опыт совместного ведения домашней работы в условиях домашнего карантина может сделать мужской труд дома более привычным, разрушая стереотипы. Соединение на одной территории дома и работы имеет и свои плюсы. Частично практика дистанционной занятости останется после пандемии, которая ускорила эти тенденции, что принесет гибкость в распоряжении временем нуждающимся в этом социальным группам с дефицитом времени (в первую очередь женщины с детьми).

Пандемия, ее негативное влияние и обратные гендерные переходы в распределении времени закончатся в обозримом будущем. А генеральные тренды модернизации, включая рост гендерного равенства, продолжатся. И прежде всего за счет ускорения цифровизации общества под давлением пандемии.

Список источников

- Атлас новых профессий 3.0 / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М.: Альпина ПРО, 2021. 472 с.
- Голубев А. Г., Сидоренко А. В. Теория и практика старения в условиях пандемии COVID-19 // Успехи геронтологии. 2020. Т. 33, № 2. С. 397—408.
- Калабихина И. Е., Ребрей С. М. Домашний труд во время пандемии: опыт России // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 65—77.
- Калабихина И., Шайкенова Ж. Оценка трансфертов времени внутри домохозяйств // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5, № 4. С. 36—65.
- Капелюшников Р. И. Анатомия коронакризиса через призму рынка труда // Вопросы экономики. 2022. № 2. С. 33—68.
- Список памяти. 2020. URL: https://sites.google.com/view/covid-memory/home?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 27.05.2020).
- Aburto J. M., Schöley J., Kashnitsky I., Zhang L., Rahal C., Missov T. I., Mills M. C., Dowd J. B., Kashyap R. Quantifying impacts of the COVID-19 pandemic through life-expectancy losses: a population-level study of 29 countries // International Journal of Epidemiology. 2022. Vol. 51, iss. 1. P. 63—74.
- Acemoglu D., Autor D. H., Lyle D. Women, war, and wages: the effect of female labor supply on the wage structure at midcentury // Journal of Political Economy. 2004. Vol. 112, iss. 3. P. 497—551.
- Alon T. V., Doepke M., Olmstead-Rumsey J., Tertilt M. The Impact of COVID-19 on Gender Equality / NBER. 2020. April. Working Paper № 26 947. URL: <https://www.nber.org/papers/w26947> (дата обращения: 25.07.2022).
- Bojovic N., Stanisljevic J., Giunti G. The impact of COVID-19 on abortion access: insights from the European Union and the United Kingdom // Health Policy. 2021. Vol. 125, iss. 7. P. 841—858.

- Eurostat. 2022. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/DEMO_MLEXPEC__custom_639270/bookmark/table?lang=en&bookmarkId=2f26f931-4df1-499a-a8eb-3dbf1125a63a (дата обращения: 25.07.2022).
- Gender issues in Russia: an overview of 2004—2012 nationwide publications / ed. by I. Kalabikhina. 2012. URL: <https://demography.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=1800&p=attachment> (дата обращения: 25.07.2020).
- Global Health 50/50 (2020—2022). COVID-19 Sex-Disaggregated Data Tracker. Sex, Gender and COVID-19. URL: <https://globalhealth5050.org/the-sex-gender-and-covid-19-project/> (дата обращения: 25.07.2022).
- International Planned Parenthood Federation European Network. Sexual and Reproductive Health and Rights during the COVID-19 Pandemic. 2020. URL: https://www.epfweb.org/sites/default/files/2020-05/epf_-_ipff_en_joint_report_sexual_and_reproductive_health_during_the_covid-19_pandemic_23.04.2020.pdf (дата обращения: 25.07.2022).
- Kabeer N., Razavi S., Meulen Rodgers Y. van der. Feminist economic perspectives on the COVID-19 pandemic // *Feminist Economics*. 2021. April 3.
- Kalabikhina I. E. Demographic and social issues of the pandemic // *Population and Economics*. 2020. Vol. 4, iss. 2. P. 103—122.
- Kartseva M. A., Kuznetsova P. O. The economic consequences of the coronavirus pandemic: which groups will suffer more in terms of loss of employment and income? // *Population and Economics*. 2020. Vol. 4, iss. 2. P. 26—33.
- Nassif-Pires L., de Lima Xavier L., Masterson T., Nikiforos M., Rios-Avila F. Pandemic of inequality // *The Public Policy. Brief Ser.* / The Levy Economics Institute of Bard College. 2020. № 149. P. 3—14.
- Peterman A., Potts A., O'Donnell M., Thompson K., Shah N., Oertelt-Prigione S., van Gelder N. Pandemics and Violence Against Women and Children / Center for Global Development. Washington (DC), 2020. Working Paper № 528. URL: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/pandemics-and-violence-against-women-and-girls.pdf> (дата обращения: 27.03.2022).
- UNCTAD. Gender and Unemployment: Lessons from the COVID-19 Pandemic. 8 April 2021. URL: <https://unctad.org/news/gender-and-unemployment-lessons-covid-19-pandemic> (дата обращения: 20.03.2022).
- UNFPA. Coronavirus Disease (COVID-19) Pandemic UNFPA Global Response Plan 2020. URL: <https://www.unfpa.org/resources/coronavirus-disease-covid-19-pandemic-unfpa-global-response-plan> (дата обращения: 27.03.2022).
- Wenham C., Smith J., Davies S. E., Feng H., Grépin K. A., Harman S., et al. Women are most affected by pandemics — lessons from past outbreaks // *Nature*. 2020. Vol. 583, № 7815. P. 194—198.
- Zamba C., Mousoulidou M., Christodoulou A. Domestic violence against women and COVID-19 // *Encyclopedia*. 2022. № 2. P. 441—456.

References

- Aburto, J. M., Schöley, J., Kashnitsky, I., Zhang, L., Rahal, C., Missov, T. I., Mills, M. C., Dowd, J. B., Kashyap, R. (2022) Quantifying impacts of the COVID-19 pandemic through life-expectancy losses: a population-level study of 29 countries, *International Journal of Epidemiology*, vol. 51, iss. 1, pp. 63—74.
- Acemoglu, D., Autor, D. H., Lyle, D. (2004) Women, war, and wages: the effect of female labor supply on the wage structure at midcentury, *Journal of Political Economy*, vol. 112, iss. 3, pp. 497—551.

- Alon, T. V., Doepke, M., Olmstead-Rumsey, J., Tertilt, M. (2020) *The Impact of COVID-19 on Gender Equality*, NBER, April, Working Paper no. 26 947, available from <https://www.nber.org/papers/w26947> (accessed 25.07.2022).
- Bojovic, N., Stanisljevic, J., Giunti, G. (2021) The impact of COVID-19 on abortion access: insights from the European Union and the United Kingdom, *Health Policy*, vol. 125, iss. 7, pp. 841—858.
- Eurostat, 2022 (2022), available from https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/DEMO_MLEXPEC_custom_639270/bookmark/table?lang=en&bookmarkId=2f26f931-4df1-499a-a8eb-3dbf1125a63a (accessed 25.07.2022).
- Global Health 50/50 (2020—2022). *COVID-19 Sex-Disaggregated Data Tracker. Sex, Gender and COVID-19* (2022), available from <https://globalhealth5050.org/the-sex-gender-and-covid-19-project/> (accessed 25.07.2022).
- Golubev, A. G., Sidorenko, A. V. (2020) Teoriia i praktika stareniiia v usloviakh pandemii COVID-19 [Theory and practice of aging in the context of the COVID-19 pandemic], *Uspekhi gerontologii*, vol. 33, no. 2, pp. 397—408.
- International Planned Parenthood Federation European Network. *Sexual and Reproductive Health and Rights During the COVID-19 Pandemic, 2020* (2020), available from https://www.epfweb.org/sites/default/files/2020-05/epf_-_ipff_en_joint_report_sexual_and_reproductive_health_during_the_covid-19_pandemic_23.04.2020.pdf (accessed 25.07.2022).
- Kabeer, N., Razavi, S., van der Meulen Rodgers, Y. (2021) Feminist Economic Perspectives on the COVID-19 Pandemic, *Feminist Economics*, April 3.
- Kalabikhina, I. (ed.) (2012) *Gender Issues in Russia: An Overview of 2004—2012 Nationwide Publications*, available from <https://demography.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=1800&p=attachment> (accessed 25.07.2020).
- Kalabikhina, I. E. (2020) Demographic and social issues of the pandemic, *Population and Economics*, vol. 4, iss. 2, pp. 103—122.
- Kalabikhina, I., Shaikenova, Zh. (2018) Otsenka transfertov vremeni vnutri domokhoziaistv [Estimation of time transfers within households], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 5, iss. 4, pp. 36—65.
- Kalabikhina, I. E., Rebrei, S. M. (2020) Domashnii trud vo vremia pandemii: opyt Rossii [Domestic work during a pandemic: Russia's experience], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 65—77.
- Kapeliushnikov, R. I. (2022) Anatomiiia koronakrizisa cherez prizmu rynka truda [Anatomy of the coronacrisis through the prism of the labor market], *Voprosy ekonomiki*, pp. 33—68.
- Kartseva, M. A., Kuznetsova, P. O. (2020) The economic consequences of the coronavirus pandemic: which groups will suffer more in terms of loss of employment and income? *Population and Economics*, vol. 4, iss. 2, pp. 26—33.
- Nassif-Pires, L., de Lima Xavier, L., Masterson, T., Nikiforos, M., Rios-Avila, F. (2020) Pandemic of inequality, *The Public Policy*, brief series, The Levy Economics Institute of Bard College, no. 149, pp. 3—14.
- Peterman, A., Potts, A., O'Donnell, M., Thompson, K., Shah, N., Oertelt-Prigione, S., van Gelder, N. (2020) *Pandemics and Violence Against Women and Children*, Center for Global Development, Washington, DC, Working Paper no. 528, available from <https://www.cgdev.org/sites/default/files/pandemics-and-violence-against-women-and-girls.pdf> (accessed 27.03.2022).
- Spisok pamiati (2020) [Memory list], available from https://sites.google.com/view/covid-memory/home?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Ffyandex.ru%2Fnews (accessed 27.05.2020).

-
- UNCTAD. *Gender and Unemployment: Lessons from the COVID-19 Pandemic*, 8 April 2021 (2021), available from <https://unctad.org/news/gender-and-unemployment-lessons-covid-19-pandemic> (accessed 20.03.2022).
- UNFPA. *Coronavirus Disease (COVID-19) Pandemic UNFPA Global Response Plan, 2020* (2020), available from <https://www.unfpa.org/resources/coronavirus-disease-covid-19-pandemic-unfpa-global-response-plan> (accessed 27.03.2022).
- Varlamova, D., Sudakov, D. (eds) (2021) *Atlas novykh professii 3.0* [Atlas of new professions 3.0], Moscow: Al'pina PRO.
- Wenham, C., Smith, J., Davies, S. E., Feng, H., Grépin, K. A., Harman, S., et al. (2020) Women are most affected by pandemics — lessons from past outbreaks, *Nature*, vol. 583, no. 7815, pp. 194—198.
- Zamba, C., Mousoulidou, M., Christodoulou, A. (2022) Domestic violence against women and COVID-19, *Encyclopedia*, no. 2, pp. 441—456.

Статья поступила в редакцию 28.07.2022; одобрена после рецензирования 30.07.2022; принята к публикации 31.07.2022.

The article was submitted 28.07.2022; approved after reviewing 30.07.2022; accepted for publication 31.07.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Калабихина Ирина Евгеньевна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой народонаселения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru (Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of the Department of Population, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).